

И. В. Малыгина

Россия на рубежах истории и границах цивилизаций

В статье отмечается, что при всем многообразии культурных сценариев и цивилизационных столкновений в современном мире можно говорить о двух основополагающих стратегиях социокультурной динамики – традиционализме и модернизации, взаимоотношения и «зеркальная» рефлексия которых содержат потенциальный конфликт. Этот конфликт проявляется преимущественно на оси «Восток – Запад», поскольку именно эти цивилизационные модели стали в современной культуре символами, в первом случае, традиционализма с его силой обычая, а во втором – превосходства «логоса» и последовательного рационалистического преодоления традиции. Поэтому именно в плоскости Запад – Восток (причем, Восток исламский) обнаруживают себя самые болезненные конфликты современности.

Этот вывод фиксирует один из наиболее тревожных рисков для России, идентичность которой исторически формировалась на границах культурных миров Запада и Востока, и именно в диапазоне Запад-Восток обнаруживают себя и внутригосударственные, внутринациональные «разломы» России. Актуальным в связи с этим оказывается вопрос о формах и принципах взаимодействия народов и культур, существующих в едином цивилизационном пространстве, но при этом исповедующих различные культурные стратегии: с одной стороны, включенных в активные модернизационные процессы, а с другой – демонстративно манифестирующих свою культурную самобытность, приверженность религиозным ценностям и традиционным культурам.

Ключевые слова: Запад, Восток, традиция, модернизация, идентичность, культура, цивилизация.

I. V. Malygina

Russia at the Turn of History and Borders of Civilizations

In the article it is noted that at whole variety of cultural scenarios and civilization collisions in the modern world, it is possible to speak about two fundamental strategies of sociocultural dynamics – traditionalism and modernization, – relationship and "mirror" reflection of which contain the potential conflict. This conflict is shown mainly on the East – the West axis as these civilization models became symbols in modern culture, in the first case, traditionalism with its power of custom, and in the second – superiority of "Lagos" and consecutive rationalistic overcoming of the tradition. Therefore in the West – East plane (and the East is Islamic) the most painful conflicts of the present are found. This conclusion fixes one of the most disturbing risks for Russia which identity was historically formed on borders of the cultural worlds of the West and the East and in the range of the West-East are found interstate, intranational "breaks" of Russia. In this regard there is a urgent question about forms and principles of interaction of peoples and cultures existing in uniform civilization space, with various cultural strategies: on the one hand, included into active modernization processes, and on the other hand – defiantly demonstrating the cultural originality, commitment to religious values and traditional cultures.

Keywords: the West, the East, a tradition, modernization, identity, culture, civilization.

История учит: один террористический акт, единственный выстрел может стать поводом к войне и изменить мир. Так произошло сто лет назад. Первое десятилетие XXI в. ознаменовалось невиданными масштабами терроризма, и, может быть, Третья мировая война уже объявлена? Как известно, история повторяется дважды...

С. Хантингтон не ошибся: линии наиболее глубоких разломов в современном мире пролегли по культурным границам государств и цивилизаций, а глубина «разломов» определяется не столько разницей в уровнях экономического или техногенного развития (как столетие назад), сколько возможностью примирения мировоззренческих установок, религиозных и нравствен-

ных традиций, исторически сложившихся образов жизни взаимодействующих сторон [13].

Иными словами, характер взаимодействия определяется степенью совпадения или конфликтности ценностно-смыслового фонда и образов идентичности взаимодействующих культур, – всего того, что в условиях глобальной экономики и техноцентрического тренда современности еще может служить маркером самобытности, основанием самоопределения и самоуважения народов и культур.

Это означает, что важнейшим фактором, определяющим модели социокультурного развития и коммуникативные стратегии, в современном мире становится фактор идентичности, значение

которого в международных процессах в последние десятилетия приобретает значение приоритетного. Как отмечает М. Кастельс, в ситуации эфемерности культурных проявлений «идентичность становится главным, а иногда и единственным источником смыслов. Люди все чаще организуют свои смыслы не вокруг того, что они делают, но на основе того, кем они являются, или своих представлений о том, кем они являются» [5, с. 608].

У Амина Маалуфа, французского писателя ливанского происхождения, конечно, были основания заметить: «Множество преступлений в современном мире совершаются от имени или во имя идентичности».

Эту мысль продолжают и другие современные исследователи, акцентируя, что именно покушение на сакральные чувства причастности человека той или иной культурной традиции лежит в основе фундаменталистских акций, столь многочисленных в последнее десятилетие. И только по этой причине «они квалифицируются как движения борцов за культурные ценности традиционализма, на которые покушается социальный и технологический прогресс, представляемый ныне западной цивилизацией» [11, с. 539].

Данные векторы социокультурной динамики свидетельствуют о том, что процесс столкновения культур и цивилизаций, в достаточной мере осмысленный в рамках современного социогуманитарного дискурса, постепенно «сублимирует» в пространство оппозиции *культуры и цивилизации*, «сопротивления традиционных культур и народов тотальному наступлению на них «цивилизации без святых и героев» [8, с. 92–93], особой модальностью которой оказывается дихотомия «традиция» – «модернизация».

Общества с «пограничным типом» культур, к числу которых относится Россия, в данной ситуации оказываются в особенно трудном положении. Как отмечают современные исследователи, пограничные культуры, с одной стороны, чрезвычайно восприимчивы к внешним влияниям, в то же время ревностно оберегают свою самобытность. С этой особенностью связано «столь характерное для них постоянное колебание между двумя полярными тенденциями: *охранительной* и *космополитической*, “всемирной отзывчивостью” и “сохранением традиций”, сочетание которых и является не только естественным, но и единственно возможным для подобного типа культур динамичным фактором их развития» [3, с. 420]. Эта же особенность сообщает пограничным культурам интенцию к предельно-

му (глобальному) синтезу «несоединимых крайностей» [6, с. 102].

Однако не менее выражено и другое свойство пограничных культур, которое характеризуется «предельной поляризацией целого, т. е. драматическим расколом, непримиримой конфронтацией и борьбой смысловых полюсов» [6, с. 102].

Таким образом, позволим себе предположить, что многообразие и конфигуративность культурных сценариев и цивилизационных столкновений в XXI в. зачастую «стягивается» к глубинному противоречию **традиционности и модернизации**, пронизывающему в той или иной степени все цивилизации, но наиболее адекватному цивилизационной оппозиции Запад – Восток.

Крайние формы противостояния традиционности и модернизации и проявились в феномене современного терроризма. Это «вершина айсберга сопротивления утилитарному социоэкономическому образу жизни, которую ведет технологизированная часть человечества, другой его огромной части, продолжающей культивировать духовные формы существования и ценностные способы регулирования социальных отношений» [8, с. 96].

Данную позицию разделяет и российский культуролог А. Флиер, который характеризует 11 сентября 2001 г. и многие другие террористические акты как события, абсолютно «культурные» по своим причинам, как акты борьбы «за сакральную неприкосновенность традиционной культуры» [12, с. 89]. Конец XX – первое десятилетие XXI в. стали, по выражению ученого, «эпохой восстания традиционалистов», возникшей как реакция на вторжение индустриальной культуры «на территорию традиционных культур к востоку от Европы» [12, с. 89].

Другие исследователи, категорически исключая террористические методы борьбы традиционалистов из культурно-цивилизационного дискурса, склонны рассматривать крайние формы традиционализма как актуализацию архаики. При этом понятия традиции и архаики жестко дифференцируются. Под традицией имеются в виду «устойчивые культурные и социальные структуры, которые обеспечивают преемственность социальной жизни и задают определенные рамки мотивам и формам социальной деятельности. Традиции многослойны и многообразны, но при этом хорошо структурированы» [7]. В отличие от традиции, архаика «не обладает рациональной структурой, не выполняет конструктивную функцию регулирования человеческого поведения, не характеризуется определенностью и устойчивостью» [7]. «Если традиция является

транслируемым культурным текстом, то архаика – культурным подтекстом, не формализуемым и не вербализуемым. Она возникает в местах разрушения культурной органики, традиции и призвана в этом случае традицию компенсировать». Традиция рациональна, очевидна и вытекает из ценностных конвенций и образцов поведения, заданных культурой [7].

Архаика иррациональна, она возникает в тот момент, когда общество, не находя ответов «на вызовы времени, резко, инверсионно возвращается к прежним ценностям» [2, с. 91].

В эту объяснительную модель легко укладывается всплеск этнических сепаратизмов, которым сопровождалось крушение Советского Союза: «в условиях демократизации общественной жизни этнонациональная энергия народов оказалась раскрепощенной..., на поверхность стали «выползать» старые обиды и новые недовольства. ... Человек устремился в свою этническую «пещеру» не от хорошей жизни, а чтобы спастись от «предавших» его политико-социальных общностей и институтов» [1, с. 79]. Интересно, что автор этого наблюдения описывает происходящее в лексике, соответствующей дискурсу архаики.

Таким образом, взаимоотношения и «зеркальная» рефлексия традиционности и модернизации в современной культурной ситуации содержат в себе потенциальный конфликт, который разворачивается, преимущественно, на оси «Восток – Запад», поскольку именно эти цивилизации стали в современной культуре символами, в первом случае, традиционности с его силой обычая, а во втором, – превосходства «логоса» и последовательного рационалистического преодоления традиции. Поэтому именно в плоскости Запад – Восток (причем, Восток исламский) обнаруживают себя самые глубокие разломы современного многополярного мира.

Этот вывод, конечно, вызывает тревогу, поскольку фиксирует один из наиболее тревожных рисков и для нашего государства. Особенность России заключается в том, что при всех естественных проявлениях глобализма и стремлении органично встроиться в новую глобальную реальность, прежде всего, западноевропейскую цивилизацию, российская культура исторически тяготеет к традиционализму, не выраженному так явно в западных культурах. Более того, именно в идентификационном диапазоне Запад – Восток (повторюсь, исламский) обнаруживают себя внутригосударственные, внутринациональные разломы России.

В поисках способов разрешения этого ментального противоречия возникают различные сценарии, в том числе достаточно одиозные. Так, А. Флиер ставит вопрос о необходимости «целенаправленного преодоления традиционных моделей социокультурной динамики». Аргументация ученого такова: во-первых, они малоэффективны по своим результатам, и, во-вторых, становятся слишком опасными в формах своего противостояния социальному прогрессу» [12, 89]. Правда, о том, каковы способы «целенаправленного преодоления» традиционности и как широк их диапазон, автор умалчивает.

Впрочем, подобная точка зрения отражает довольно распространенную на Западе позицию, согласно которой «единственным адресом позитивных перемен в мире является Запад» [9, с. 24], а единственная возможность «приобщить» восточные народы к «правильной» западной цивилизации, – включить их в эту модель, чаще всего, в версии «глобализационного лидера», то есть в американской версии [10, с. 32].

Сценарий не новый, он во многом повторяет установки эпохи колониального раздела мира и, как прежде, тяготеет к «монологическому диктату», поскольку основан на логике господства-подчинения, а потому эгоцентричен, авторитарен и деспотичен. «Запад с его давними миссионерскими традициями ... полагает, что не-западные народы должны перенять западные ценности демократии, свободного рынка, контролируемого правительства, прав человека, индивидуализма, господства права и затем должны воплотить все эти ценности в своих институтах. ... но в незападных культурах преобладает другое отношение к этим ценностям: от широко распространенного скептицизма до жесткого противодействия. То, что для Запада – универсализм, для остальных – империализм» [13, с. 282].

Совершенно очевидно, что подобный монологический дискурс не отвечает вызовам современной ситуации, которая побуждает размышлять о том, как жить вместе человечеству, «обреченному» на глобализационную связанность, не утрачивая различий в культуре и идентичности.

Но есть ли хоть один шанс «сойти с мест» у Запада и Востока и стать хотя бы на шаг ближе друг другу? И, что не менее важно, – как сохранить «презумпцию невиновности» традиции в мире, ориентированном на модернизационное развитие?

Известный российский писатель Г. Чхартишвили (*Борис Акунин*), анализируя тенденции в области литературного творчества, заметил: «Последние сто лет Запад учился не смотреть на

Восток сверху вниз, учился не бояться его, учился пониманию... это движение в сторону восходящего солнца было преимущественно головным, рационалистическим (как и подобает Западу), и вряд ли привело бы к созданию зоны культурного синтеза, если бы не встречное, преимущественно эмоциональное движение устремившегося к закату Востока» [14, с. 262].

Невозможно представить мир, лишенный устоявшейся символической и идентификационной системы координат – мир без Запада и Востока, – не думаю, что свободный от конфликтов, но совершенно точно лишенный не только своего сегодняшнего обаяния, но и роскоши бесконечного открытия и постижения друг друга.

И кто выиграет от такого сценария? Наверное, не Восток. И уж точно, не Запад, который исторически формировал свою идентичность на контрасте с Востоком, как отмечает Эдвард Саид в знаменитом исследовании «Ориентализм». Поскольку Восток – это «не только сосед Европы, но и ее культурный соперник, а также самый глубокий и неотступный образ Другого». И добавляет: «...европейская культура выиграла в силе и идентичности за счет того, что противопоставляла себя Востоку как своему тайному «Я».

Сегодня эту тему продолжает турецкий ученый Мехмет Али Кылычбай, полагая, что есть все основания рассматривать Запад и Восток как два крыла единой цивилизации, по непонятным причинам некогда отмежевавшихся друг от друга [9, с. 24–25]. Правомерность этой гипотезы подтверждают, по мнению ее автора, названия этих двух цивилизаций, указывающие не на местность своего происхождения, не на название этноса, который является носителем той или иной цивилизации, а всего лишь на стороны света. А коль так, то и шансы на их органичное сосуществования увеличиваются.

Вот такое необычное заявление – Запад как Alter Ego Востока. Но, может быть, есть смысл отнести к нему с большей долей внимания.

Естественным в связи с этим оказывается вопрос о формах и принципах коммуникации в мире, с одной стороны, осознающем необходимость интеграции перед лицом глобальных проблем и, одновременно, демонстративно манифестирующим свою культурную неоднородность. Именно поэтому, очевидно, столь востребованной научным дискурсом примерно в одно и то же время оказались концепции толерантности и мультикультурализма, увы, не оправдавшие в полной мере возлагаемых на них надежд. Общим для этих теорий и практик явился принцип признания самоценности Иного в культуре, причем

шкала «признания» оказывается достаточно широкой: от простого любопытства и индифферентного (терпимого) сосуществования – до уважительного и заинтересованного диалога. Но в любой из своих форм эти установки в их нравственно-мировоззренческих и прагматических проявлениях кажутся более чем конструктивными и вполне могли бы претендовать на статус безусловного императива.

Между тем многочисленные межэтнические и межконфессиональные конфликты свидетельствуют о том, что подобные пожелания носят, увы, гипотетический характер. Чем же обусловлены пределы толерантности в современном мире?

Абстрагируясь от прагматики национальных и геополитических интересов, можно предположить, что существуют различия в уровнях толерантности у разных народов. Причины подобной неравномерности следует анализировать дополнительно, но, очевидно, их нужно искать в особенностях этногенеза и исторической судьбы, в типах рациональности и этноментальном своеобразии народов, соотнести с источником и масштабом культурных травм или триумфов, с уровнем эмпатии представителей взаимодействующих традиций и многими другими факторами.

И в этом контексте толерантность предстает не только как норма совместимости, но и как рационально обоснованная нравственная установка, обеспечивающаяся исключительно автономной доброй волей, как сказал бы И. Кант.

Видимо, за долгие тысячелетия человечество не изобрело ничего более совершенного, чем замечательный принцип, впервые со всей отчетливостью артикулированный Западом во Французской Декларации прав и свобод человека. Перефразировав его, можно сказать: «каждый народ, каждая культура имеют право на свободное развитие и самовыражение, но ровно до тех пор, пока они не нарушают границы чужой свободы».

Наивно было бы полагать, что данный принцип в обозримом будущем будет положен в основу международной политики и межкультурных коммуникаций. Видимо, дополнительная ответственность в связи с этим ложится на субъект этих отношений, в качестве которого рассматривают индивида, способного одновременно органично существовать в пространстве традиции и открытого технологическому прогрессу, человека «универсально образованного, в равной мере владеющего культурным наследием и Востока, и Запада» [14, с. 262].

Звучит завораживающе и... очень похоже на очередную миф в копилку глобализационного дискурса. Недаром такого человека наделяют

свойством андрогинности (правда, в символическом культурно-цивилизационном смысле). Но идея привлекательная. Глобальной культуры не случилось, а сами собой различия единством не станут.

Библиографический список

1. Абдулатипов, Р. Г. Этнонациональная политика в Российской Федерации (концепции, практика, реализации, перспективы) [Текст] / Р. Г. Абдулатипов. – М., 2007.
2. Ахиезер, А. С. Архаизация в российском обществе как методологическая проблема [Текст] / А. С. Ахиезер // Общественные науки и современность. – 2001. – № 2.
3. Багно, В. Е. Пограничное сознание, пограничные культуры [Текст] / В. Е. Багно // Полярность в культуре. Канун: Альманах. – СПб., 1996. – Вып. 2.
4. Буранчин, А. Традиционное общество и модернизация: теоретико-методологический аспект [Электронный ресурс] / А. Буранчин. – Режим доступа: <http://konservatizm.org/konservatizm/sociology/061111031150.xhtml>
5. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура [Текст] / М. Кастельс ; пер. с англ.; под науч. ред. О. И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000.
6. Кондаков, И. В. Глобалитет России (к постановке проблемы) [Текст] / И. В. Кондаков // Современные трансформации российской культуры. – М.: Наука, 2005.
7. Костюк, К. Н. Архаика и модернизм в российской культуре [Электронный ресурс] / К. Н. Костюк. – Режим доступа: <http://www.rir.ru/socio/scipubl/sj/sj3-4-99.kost.html>.
8. Кутырев, В. А. Столкновение культур с цивилизацией как причина и почва международного терроризма [Текст] / В. А. Кутырев // Век глобализации. – 2009. – № 2. – С. 92–93.
9. Кылычбай, М. А. Единственный адрес позитивных перемен – Запад? [Текст] / М. А. Кылычбай // Да. – 2007. – № 21.
10. Самохвалова, В. И. Идеология единого мира. Из истории глобализационных проектов [Текст] / В. И. Самохвалова // Полигнозис. Журнал РАН. – 2010. – № 3(39).
11. Флиер, А. Я. Будущее возврату не подлежит [Текст] / А. Я. Флиер // Креативность в пространстве традиции и инновации: тезисы докладов и сообщений Третьего Российского культурологического конгресса с международным участием. – СПб.: ЭЙДОС, 2010.
12. Флиер, А. Я. Культурология 20–11 [Текст] / А. Я. Флиер. – М.: Сogласие, 2011.

13. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций [Текст] / С. Хантингтон. – М.: АСТ, 2003.

14. Чхартишвили, Г. Ш. Но нет Востока и Запада нет. О новом андрогине в мировой литературе [Текст] / Г. Ш. Чхартишвили // Иностранная литература 1996. – № 9.

Bibliograficheskiy spisok

1. Abdulatipov, R. G. Ehtnonatsional'naya politika v Rossijskoj Federatsii (kontseptsii, praktika, realizatsii, perspektivy) [Tekst] / R. G. Abdulatipov. – М., 2007.
2. Akhiezer, A. S. Arkhaizatsiya v rossijskom obshhestve kak metodologicheskaya problema [Tekst] / A. S. Akhiezer // Obshhestvennyye nauki i sovremennost'. – 2001. – № 2.
3. Bagn, V. E. Pogranichnoe soznanie, pogranichnye kul'tury [Tekst] / V. E. Bagn // Polyarnost' v kul'ture. Kanun: Al'manakh. – SPb., 1996. – Vyp. 2.
4. Buranchin, A. Traditsionnoe obshhestvo i moderni-zatsiya: teoretiko-metodologicheskij aspekt [EHlektronnyj resurs] / A. Buranchin. – Rezhim dostupa: <http://konservatizm.org/konservatizm/sociology/061111031150.xhtml>
5. Kastel's, M. Informatsionnaya ehpokha: ehkonomika, obshhestvo i kul'tura [Tekst] / M. Kastel's ; per. s angl.; pod nauch. red. O. I. SHkaratana. – М.: GU VSHEH, 2000.
6. Kondakov, I. V. Globalitet Rossii (k postanovke problemy) [Tekst] / I. V. Kondakov // Sovremennyye transformatsii rossijskoj kul'tury. – М.: Nauka, 2005.
7. Kostyuk, K. N. Arkhaika i modernizm v rossijskoj kul'ture [EHlektronnyj resurs] / K. N. Kostyuk. – Rezhim dostupa: <http://www.rir.ru/socio/scipubl/sj/sj3-4-99.kost.html>.
8. Kutyryov, V. A. Stolknovenie kul'tur s tsivilizatsiej kak prichina i pochva mezhdunarodnogo terrorizma [Tekst] / V. A. Kutyryov // Vek globalizatsii. – 2009. – № 2. – S. 92–93.
9. Kylychbaj, M. A. Edinstvennyj adres pozitivnykh peremen – Zapad? [Tekst] / M. A. Kylychbaj // Da. – 2007. – № 21.
10. Samokhvalova, V. I. Ideologiya edinogo mira. Iz istorii globalizatsionnykh proektov [Tekst] / V. I. Samokhvalova // Polignozis. ZHurnal RAN. – 2010. – № 3(39).
11. Flier, A. YA. Budushhee vozvratu ne podlezhit [Tekst] / A. YA. Flier // Kreativnost' v prostranstve traditsii i innovatsii: tezisy dokladov i soobshhenij Tret'ego Rossijskogo kul'turologicheskogo kongressa s mezhdunarodnym uchastiem. – SPb.: EHJDOS, 2010.
12. Flier, A. YA. Kul'turologiya 20–11 [Tekst] / A. YA. Flier. – М.: Soglasie, 2011.
13. KHantington, S. Stolknovenie tsivilizatsij [Tekst] / S. KHantington. – М.: AST, 2003.
14. CHkhartishvili, G. SH. No net Vostoka i Zapada net. O novom androgine v mirovoj literature [Tekst] / G. SH. CHkhartishvili // Inostrannaya literatura 1996. – № 9.